

ЮРИЙ ВЕРХОЛИН

КУХНЯ

цикл рассказов



Юрий Верхолин

Кухня

«Автор»

2026

Верхолин Ю.

Кухня / Ю. Верхолин — «Автор», 2026

«Кухня» — это цикл автобиографических художественных рассказов о повседневной жизни государственной столовой, показанной изнутри. Главный герой, Александр, сорокалетний бывший бухгалтер, устраивается на работу мойщиком посуды, рассчитывая переждать сложный период и со временем вернуться к привычной профессии. Но кухня оказывается не временным пристанищем, а замкнутой системой со своей жёсткой иерархией, скрытой властью, интригами и негласными правилами. Каждый рассказ — это отдельный день, смена или человек: шефы и су-шефы, кладовщики и кассиры, повара и уборщицы. Через иронию, острые диалоги и бытовые детали автор показывает трудовые будни, в которых усталость, абсурд и юмор существуют одновременно. «Кухня» — это не роман о еде и не производственная экзотика. Это честная социальная проза о работе, возрасте, иллюзиях стабильности и столкновении человека с системой, где даже путь к мойке посуды начинается с проверки службы безопасности.

© Верхолин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Трудоустройство	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кухня

«Хочешь рассмеить Бога — расскажи ему о своих планах на карьеру. Особенно если ты мойщик посуды»

1. Трудоустройство



Александр искал работу без азарта.

Не потому что был ленив, а потому что знал: азарт – плохой советчик в сорок лет. В молодости можно было бросаться в вакансии, как в воду, проверяя глубину телом. Сейчас тело намекало, что глубину лучше измерять заранее. Спина отзывалась тупой болью на долгое сидение, а правая рука временами немела – плата за двадцать лет дружбы с компьютерной мышью, верный туннельный синдром бухгалтера. Врач разводил руками: «Ничего критичного. Возраст». Александр не любил слово «возраст». Он предпочитал термин «накопленный износ», но про себя.

Он сидел за кухонным столом своей однокомнатной квартиры, где всё было разложено так, как бывает у бывших бухгалтеров: аккуратно, логично и с запасом. Даже беспорядок у него был системный – стопка писем слева (неотложные), лекарства справа (по рецепту и без), документы строго в папке с надписью «Работа». Сама папка – серая, картонная, чуть потёртая на уголках – была свидетелем более стабильных времён. В ней когда-то лежали расчётные листки с цифрами, которые сейчас казались фантастическими.

Он открыл портал госуслуг не из доверия, а из привычки к порядку. Государство, как бухгалтерия, вызывало у него иррациональное, почти мистическое уважение. Там всё должно быть зафиксировано, прошито, подписано, объяснимо и сдано в архив. По крайней мере, так было в его голове. Реальность, как он подозревал, сложнее, но интерфейс портала – чистый, минималистичный, с полями для ввода и зелёными галочками – успокаивал. Это был цифро-

вой аналог журнала-ордера: ввели данные, получили результат. Человеческий фактор сведён к минимуму.

Вакансия высветилась на экране, как строка в отчёте, которая вдруг сошлась с контрольной суммой.

«Мойщик посуды. Государственная компания. Официальное трудоустройство. Соцпакет. Возможность карьерного роста.»

Он щёлкнул. Описание было лаконичным, как инструкция. График 5/2, зарплата – цифра, от которой веяло аскезой, но не голодом. Требования: ответственность, чистоплотность, отсутствие медицинских противопоказаний. Ни слова про стрессоустойчивость или командную работу – и это радовало. Без пафоса.

Но именно слова «возможность карьерного роста» зацепили взгляд. Они не светились жирным шрифтом, не были выделены цветом. Они просто стояли там, в конце, как обязательное приложение к договору. Бухгалтерская фраза. Надёжная. Она предполагала внутреннюю логику системы: если есть «возможность», значит, существует регламент, путь, лестница. Пусть и самая корявая. В его уме тут же выстроилась схема: войти в систему на низкой позиции (дебет), проявить себя (оборот), получить перевод (кредит). Всё сходилось.

Александр прочитал описание три раза.

Не потому что не понял – потому что искал подвох. Подвоха не было. Только факты. Зарплата скромная, график плотный, требования минимальные. Всё честно. Через чур честно для мира, где вакансии «менеджера» часто скрывали профессию курьера.

– Войти в систему, – пробормотал он вслух, и отзвук этих слов в тихой кухне показался ему обнадеживающим.

Он не собирался мыть посуду всю жизнь. Он собирался переждать шторм на тихой, пусть и мокрой, пристани. Восстановить нервы, которые были истрепаны последними месяцами в роли рядового бухгалтера тонущей фирмы, когда он видел, как цифры упорно не сходятся, а директор и главбух шептались в кабинете. Здесь не будет шепотов. Здесь будет шум воды. С водой он как раз ладил.

Он заполнил анкету. В графе «Опыт работы» честно внёс все свои бухгалтерские должности, растянувшиеся на десятилетия. «Бухгалтер», «ведущий бухгалтер», «экономист». Никаких «главных». В графе «О себе» написал: «Внимателен к деталям, привык к монотонной работе, соблюдаю инструкции». Это была правда, просто поданная под другим соусом. Отправил. Мышь под его пальцами щёлкнула сухо, и он почувствовал знакомое покалывание в запястье. Призрак прошлой жизни напоминал о себе.

Через два дня ему перезвонили.

Голос был женский, деловой и усталый, с той особой интонацией, которую приобретают люди, чья работа – отсеивать.

– Александр Сергеевич? Вас приглашают на собеседование. Адрес записывайте.

Он записал. Ровным, без наклона почерком, каким когда-то заполнял платёжки. Без помарок. Время: 14:00. «Не обеденное, не вечернее. Нейтральное», – отметил он про себя. Это тоже казалось знаком системы.

Здание встретило его строго, как и полагается государственному учреждению средней руки. Не дворец, но и не развалюха. Серый фасад из силикатного кирпича, отмытый дождями, стеклянные двери с потёртыми ручками, табличка с длинным официальным названием, которое никто не дочитывал до конца, теряясь в аббревиатурах и словах «федеральное», «бюджетное», «учреждение».

Внутри пахло другим. Запахом старого линолеума, меловой пыли от тряпки уборщицы и сладковатым, едким ароматом дезодоранта для санузлов. Воздух был неподвижен и прохладен.

Сердцем этого микрокосма был КПП. Металл турникетов, пластик картридеров, стеклянная будка охранника. Охранник – мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который

видел слишком много входящих и слишком мало выходящих счастливыми. Его взгляд скользнул по Александру, задержался на синей папке, которую тот прижимал к груди.

Папка была его щитом и паролем. Плотная, с твёрдой обложкой и металлической защёлкой, она говорила: «Я не случайный прохожий. Я пришёл по делу. Мои документы в порядке». Он выбрал её специально, отложив потрёпанный портфель.

– Куда вы? – голос охранника был лишён какого-либо интереса. Это был ритуальный вопрос.

– На собеседование, – Александр протянул паспорт в маленькое окошко.

Охранник медленно сверил фото с оригиналом, взгляд задержался на прописке, затем на самом Александре. Слишком внимательно для человека, которому всё равно. Возможно, он искал признаки нервозности, пьянства, безумия. Не найдя, кивнул.

– Проходите. Зал КПП, направо. Ждите.

Зал КПП оказался лиминальным пространством, комнатой между мирами. Здесь не работали – здесь ждали решений. Длинный стол цвета слоновой кости, несколько стульев, на стене – часы с громким, прыгающим тиканьем и плакат про бдительность к проносимым предметам. Ощущение временности висело в воздухе, смешиваясь с запахом недавно протёртой поверхности.

Александр сел, положил папку перед собой, выпрямил спину. Он слышал, как за стеной щёлкают турникеты, раздаются отрывистые голоса. Каждый щелчок – кто-то впущен или выпущен. Система дышала.

Через семь минут по прыгающей секундной стрелке вошла женщина. Лет сорока пяти. Темно-синий пиджак, белая блуза, волосы собраны в жёсткий пучок. Ни одной лишней детали.

– Ирина Щербак, – представилась она, не улыбаясь и не протягивая руки. – Кадровая служба.

Она села напротив, открыла блокнот с жёсткой обложкой и достала ручку. Её движения были отточены, лишены суеты.

– Сейчас подойдут, – добавила она, не глядя на дверь.

Она начала задавать вопросы, сверяясь с каким-то внутренним чек-листом. Вопросы были стандартны, как бланки: про опыт физического труда (минимальный), про готовность к поздним сменам (готов), про состояние здоровья (удовлетворительное). Александр отвечал спокойно, почти монотонно. Он знал этот ритуал. Много лет был его пассивным участником, когда его самого принимали на работу. Тогда он тоже искал в вопросах подвох, а в паузах – скрытый смысл.

Дверь открылась снова, без стука.

Вошедшая женщина сделала два шага в комнату и остановилась, давая глазам привыкнуть к свету. Александр автоматически выпрямился. Первое, что он отметил – не одежду, а походку. Спокойную, уверенную, без малейшей спешки. Походку человека, который никуда не торопится, потому что пункт назначения всегда ждёт его, а не наоборот.

На вид – пятьдесят с небольшим, но возраст был трудноуловим. Ухоженное лицо без яркого макияжа, короткая стрижка, седина в волосах не покрашена, а аккуратно вплетена. Она была одета не в строгий костюм, а в дорогую, мягкого кроя кардиган и брюки. Никаких украшений, кроме простых серёг-гвоздиков. Но главное – взгляд. Внимательный, сфокусированный, но не колючий. Он не сканировал, а изучал.

Она молча села рядом с Ириной Щербак, не глядя на Александра, и жестом, не требующим разрешения, взяла у кадровика его трудовую книжку. Ирина немного подала её вперёд, и в этом движении читалась привычка уступать.

– О.Ф., – коротко представила её Ирина, голосом, лишённым интонаций. – Кандидат на вакансию мойщика. Александр Сергеевич.

Александр кивнул. Его мозг, искавший знакомые категории, завис. Никакого отчества, никакой должности. Две буквы. Инициалы. Это значило либо очень высокий статус, либо намеренную скрытность. Он отбросил мысль о поваре. Слишком несоразмерно. Это был кто-то из управления.

О.Ф. листала трудовую книжку. Не так, как листают кадровики – выискивая даты увольнения. Она читала медленно, вдумчиво, иногда возвращаясь на страницу назад. Она читала не строки, а профессиональный маршрут между ними. Пауза затянулась. Тиканье часов стало оглушительным.

– Бухгалтерия... – произнесла она наконец, не поднимая глаз. Голос у неё был низкий, немного хрипловатый, от частого молчания или, возможно, от долгих разговоров в кабинетах. – «Завод „Прогресс“... Бухгалтер материального стола... Частное предприятие „Вектор“... Бухгалтер по расчётам... Длинная прямая линия».

В её устах слова «длинная прямая линия» звучали не как упрёк в отсутствии роста, а как констатация выносливости. Как оценка станка, проработавшего без поломок положенный срок.

Александр улыбнулся вежливой, социальной улыбкой, не затрагивающей глаз.

– Да, – сказал он просто. – Долгое время в одной сфере.

Она подняла на него взгляд. И в эту секунду Александр понял, что перед ним – контролёр. Не в смысле должности, а в смысле функции. Это был взгляд человека, который годами смотрел на кипы документов и видел в них не бумаги, а процессы, риски и следы человеческих решений. Взгляд, который сразу отличал случайную пометку от системной ошибки.

– Я тоже из этой сферы, – сказала она неожиданно, откладывая книжку. Её пальцы на секунду легли на обложку, как на что-то знакомое до мелочей. – Только с другой стороны стола. Двадцать пять лет. В разных креслах.

Она не уточнила, в каких. Не назвала должность. Это было неважно. Важно было другое: она сказала «из этой сферы». Она провела незримую границу между собой, им и Ириной Щербак. По одну сторону – те, кто понимает, что такое дебет и кредит не в бытовом смысле. По другую – все остальные.

В зале КПП наступила тишина нового качества. Ирина Щербак перестала писать, замерла с ручкой в воздухе. Она оказалась по другую сторону границы.

Между Александром и О.Ф. не пробежала искра. Произошло нечто более сухое и точное: профессиональная идентификация. Как если бы два инженера в толпе случайно услышали, как кто-то правильно произносит термин «контрольно-измерительный прибор». Никакой симпатии. Только моментальное опознание «свой-чужой» на основе профессионального кода.

– Значит, вы в курсе, – продолжила О.Ф., и это была не констатация, а проверка. – Что такое работа с первичкой. Когда от твоей внимательности зависит, пройдёт ли проверка или нет. Не абстрактно. Конкретно.

– В курсе, – ответил Александр, и в его голосе впервые за весь разговор прозвучала не шаблонная уверенность, а плоская, лишённая эмоций правда профессионала. – Зависит всегда. Даже от копии квитанции.

Она кивнула, один раз, коротко. Кивок означал: «Проверка пройдена. Свой по цеху». И в этот миг Александр почувствовал не облегчение, а скорее, временное смещение. Он сидел здесь как будущий мойщик, а его оценивали по меркам бухгалтера. Это было и лестно, и крайне опасно. Лестно – потому что его прошлое ещё что-то стоило. Опасно – потому что разжигало в нём тлеющие угли профессиональной идентичности, которые он собрался гасить у раковины.

Ирина Щербак, почувствовав, что ритуал вышел за рамки её сценария, вернула ситуацию в формальное русло.

– Почему решили пойти... именно к нам? На такую позицию? – спросила она, делая вид, что это её главный, решающий вопрос.

Александр задумался на секунду. Слишком честный ответ («Мне больше некуда») был бы пораженческим. Слишком пафосный («Мечтаю мыть посуду на благо государства») – идиотским. Он нащупал ту самую, нейтральную формулу, которую искал с самого начала, глядя на вакансию.

– Государственная компания, – сказал он, глядя между двумя женщинами. – Предполагает стабильность. Чёткие правила. И... – он чуть замедлил речь, – возможность роста. Я верю в системы. В них всё прописано.

О.Ф. улыбнулась. Не широко, а лишь левым уголком губ, где была чуть заметная морщинка. Эта улыбка была ни дружеской, ни материнской. Она была... оценочной. Улыбкой человека, который слышит знакомый тезис и знает все скрытые в нём допущения.

– Возможности в системе есть, – произнесла она тихо, но чётко. – Если человек видит не только правила, но и... поля для их интерпретации.

Ирина Щербак поспешно собрала бумаги.

– Заведующая столовой, Л.А., сегодня на плановой инвентаризации, – сказала она, как бы между прочим, но Александр поймал лёгкий, почти неуловимый жест – она чуть скосила глаза в сторону О. Ф. Решение принималось без формального руководителя. Это был первый урок о реальной, а не штатной иерархии. – С ней вы познакомитесь завтра.

– Мы вам перезвоним, – добавила она уже чисто автоматически, вставая.

Но О. Ф. осталась сидеть. Она закрыла трудовую книжку, положила на неё ладонь, задержав на мгновение, и сказала, глядя прямо на Александра:

– Думаю, подойдёт.

Фраза прозвучала не как мнение, не как рекомендация. Она прозвучала как резолюция, наложенная на дело. Как штамп «Согласовано» на внутреннем документе. Сомнений не оставалось.

Ирина Щербак кивнула, как будто именно этого момента и ждала, чтобы вернуть процесс в понятное, бюрократическое русло. Она выдвинула ящик стола, достала оттуда аккуратную стопку бумаг и положила их перед Александром.

Четыре листа. Формат А4.

Белые, плотные, с мелким, убористым шрифтом. Шрифтом инструкций и приказов.

– Тогда сразу оформляем первый этап, – сказала она, и её голос вновь обрёл деловитую бесцветность. – Анкета для проверки службы безопасности.

Александр посмотрел на листы. Потом на Ирину. Потом снова на листы.

Он ожидал чего угодно: заявления, согласия на обработку данных, даже трудового договора с печатями. Но не этого. Не этой бумаги.

– Проверки?... – переспросил он осторожно, хотя услышал perfectly.

– Да, – спокойно, без повышения тона, подтвердила Ирина. – Федеральной службы безопасности. Допуск необходим.

Слово «допуск» прозвучало в зале КПП отчётливо и тяжело. Как будто его произнесли не в помещении с линолеумом и пластиковыми стульями, а где-то на другом, более высоком и тихом этаже, где принимаются иные решения.

– Это обязательно, – добавила она тем же тоном, каким обычно говорят «распишитесь здесь и здесь». – Для всех сотрудников, оформляющихся в государственное учреждение. Без исключений.

Александр машинально выпрямил спину, хотя сидел и так прямо.

Он вдруг, физически, почувствовал себя не кандидатом в мойщики посуды, а объектом. Объектом с биографией. Причём с биографией, которую сейчас будут читать под увеличительным стеклом, ища не достижения, а информационные шумы – переезды, смены работы, родственников.

О.Ф. мельком, почти небрежно, взглянула на бумаги и слегка, едва заметно, качнула головой. Это не было удивлением. Это было киванием посвящённого, который видит, как срабатывает знакомый механизм.

– Не волнуйтесь, – сказала она, и в её низком голосе послышались отзвуки того же механизма, но уже изнутри. – Формальность. Рутинка. Но заполнять нужно предельно подробно и разборчиво. Без сокращений.

«Подробно» – оказалось самым мягким словом из возможных.

Ирина положила указательный палец на первый пункт и начала диктовать, почти без пауз, глядя поверх его головы:

– Полные фамилия, имя, отчество. Далее: дата и место рождения. Гражданство, все предыдущие, если менялось. Родители: фамилии, имена, отчества полностью, даты и места их рождения, гражданство. Ближайшие родственники: братья, сёстры, супруги, дети. Те же данные.

Александр мысленно полез вглубь памяти, к датам жизни давно умершей бабушки по отцу. Он помнил год, но месяц?..

– Образование, – продолжала Ирина, словно считывая невидимый список. – Все учебные заведения, в хронологическом порядке. С датами поступления и окончания. Полные названия. Адреса.

– Хорошо, – кивнул он, чувствуя, как в висках начинает тихо стучать.

– Трудовой стаж, – голос Ирины стал ещё ровнее, превратившись в звуковой аналог мелкого шрифта. – Все места работы. Без пропусков. Даты приёма и увольнения с точностью до числа. Полное наименование организаций. Адреса. Занимаемые должности. Причины увольнения.

Она сделала микроскопическую паузу.

– И сколько школ вы меняли.

Александр на секунду завис. Его пальцы, лежавшие на холодной столешнице, непроизвольно шевельнулись.

– Школ... – переспросил он, хотя слышал отлично. – Все?

– Все, – подтвердила Ирина, и в её взгляде промелькнуло что-то вроде профессионального сочувствия к этой всеобъемлющности. – С указанием годов обучения и адресов.

Три школы.

Он вспомнил их неожиданно отчётливо – пыльный двор первой в провинциальном городке, длинный коридор второй в областном центре, современное здание третьей, уже в Москве. Раньше это была просто жизнь, череда событий. Теперь это превращалось в пункты 17, 18 и 19 анкеты. В данные.

Он молча перелистнул лист. Потом второй. Потом третий. Вопросы не заканчивались. Просят ли вы или ваши близкие политическое убежище? Участвовали ли вы в судебных процессах? Состояли ли на учёте?

– Это... как анкета на загранпаспорт нового образца, – сказал он больше себе, чем вслух, пытаясь найти знакомый ориентир.

– Похоже, – согласилась Ирина, и в её согласии была вся пропасть между «похоже» и «точно так же». – Только... детальнее. И с другими целями.

Он подумал о том, что за последние двадцать лет считал себя предельно прозрачным, обычным человеком. Никаких тайн, кроме маленьких личных, никаких связей, кроме бытовых. И вдруг – ФСБ. Проверка. Месяц ожидания вердикта о допуске к мойке кастрюль. Абсурд обретал плотность бумаги.

– Заполняете дома, – проинструктировала Ирина, собирая свои вещи. – Не торопитесь. Чёрной или синей шариковой ручкой. Печатными буквами. Без помарок и исправлений. Потом принесёте лично мне. И далее – процедура рассмотрения.

– Сколько она занимает? – спросил Александр, уже зная ответ, но нуждаясь в его официальной версии.

– Около месяца, – ответила она, вставая. – Иногда чуть быстрее, иногда дольше. Зависит от загрузки и... полноты предоставленных сведений.

Месяц.

Целый месяц жить в подвешенном состоянии, чтобы получить разрешение стоять у раковины.

– После получения положительного заключения от службы безопасности, – продолжила Ирина, словно зачитывая алгоритм, – вы снова приедете, и я выдам вам направление на обязательную медицинскую комиссию. Для работы в пищеблоке.

Она произнесла это как последовательность незыблемых шагов: ФСБ → медкнижка → фартук. Логика системы была безупречна и от этого ещё более сюрреалистична.

Александр взял стопку бумаг. Листы были непривычно тяжёлыми и холодными, будто впитали в себя холод металлических шкафов, где они хранились.

О.Ф., которая всё это время наблюдала молча, снова посмотрела на него. На этот раз её взгляд был лишён даже тени оценки. Это был взгляд коллеги по процедуре, который прошёл через подобное, возможно, не раз.

– Вы справитесь, – сказала она просто. Не «всё будет хорошо», а именно «справитесь».

– У вас биография... линейная. Прозрачная. Это видно.

Он кивнул, сжимая в руках папку с анкетами.

Он действительно не боялся проверки. Но рождалось странное, двойственное чувство. С одной стороны – унижительная несоразмерность: такой объём запросов для такой работы. С другой – почти reverse удовлетворение: его жизнь, такая серая и рядовая, вдруг признавалась достаточно значимой, чтобы её проверяли на благонадёжность. Это было высшей формой инъекции важности, которую только могла сделать Система: она сомневалась в нём. А значит – принимала всерьёз.

Через час Александр вышел из серого здания, крепко прижимая к груди синюю папку, под которой лежали теперь и четыре белых, грозных листа. Ослепительный дневной свет ударил в глаза после полумрака коридоров. Он сделал глубокий вдох. Он сделал всё правильно. Он вошёл в систему.

И система немедленно протянула ему навстречу свои щупальца в виде анкеты. Она впустила его не как будущего мойщика, а как потенциальный объект для изучения. Ключевое искажение, маленький сбой в её алгоритме, устроенный женщиной с инициалами О.Ф., теперь обросло плотью официальной процедуры. Ирония ситуации кристаллизовалась: его прошлое, от которого он бежал, не только помогло ему, но и обрекало на месяц ожидания и скрупулёзного самоописания.

Он шёл к метро, и в голове, вопреки попыткам загнать мысли в рациональное русло, крутилась одна и та же обманчиво простая формула: «От мойщика до бухгалтерии – всего несколько шагов». Он ещё не знал, что эти шаги предстоит делать по скользкому, замыленному полу, под аккомпанемент шипения пара и металлического лязга посуды. Он не знал имён, которые скоро станут ежедневным фоном его жизни: властной и невидимой Л.А., едкой Тианы на складе, блистательной и опасной Хелен за кассой, мечтательного Олега у плиты, молчаливого Василия. Он не знал запаха старого жира, въевшегося в стены, вкуса общей чайной заварки, всепроникающей усталости, которая к концу смены тяжелеет в костях.

Он знал только, что у него есть завтра. И что в системе, куда он только что вписал своё имя, нашёлся невольный контролёр качества – женщина, которая оценила не его будущие усилия, а следы его прошлого труда.

Система же, в это самое время, просто делала очередную, рядовую пометку в электронном журнале: «Александр С., мойщик посуды. Принят. Дата выхода: завтра».

И на этом этапе, что самое смешное, система была абсолютно искренней. Она просто не учитывала человеческий фактор в лице О.Ф. – тот самый фактор, который всегда вносит погрешность в самые точные расчёты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.